

Олеся Семенова

*Вкус ликориса. Книга
вторая*

18+

Олеся Семенова

Вкус ликориса. Книга вторая

«Автор»

2026

Семенова О.

Вкус ликориса. Книга вторая / О. Семенова — «Автор», 2026

Лондон, 1722 год. Графиня Виктория Астон возвращается на родину, чтобы восстановить своё имя, раскрыть убийц семьи и найти пропавшего князя по поручению императрицы. Здесь её ждёт свадьба любимой кузины и лорд Ричард Фицрой — жених, от которого она сбежала. Тот, кто мог быть частью заговора, уничтожившего её род. Её тень, демон Лукан, поклялся защищать графиню любой ценой. Но он не знает, что опаснее: враги, что подстерегают её в Лондоне, или тьма, что рвётся из него самого. Ведь их контракт близится к завершению. И скоро ему придётся выбирать... Она ищет правду. Он — единственный, кому она может доверять. Но их сделка может стоить всего.

© Семенова О., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 Возвращение	5
Глава 2 Смущенная графиня	11
Глава 3 Тени прошлого	17
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Олеся Семенова

Вкус ликориса. Книга вторая

Глава 1 Возвращение

«Северная роза» медленно входила в гавань, и с каждым мгновением город открывался взгляду все яснее. Сначала из утренней дымки проступили шпили церковей — старый собор Святого Павла, еще не достроенный после великого пожара, но уже возвышавшийся над городом, как каменный страж. Затем показались крыши, трубы, мачты кораблей, стоявших на якоре у причалов. Гул портовых кранов, крики грузчиков, ржание лошадей, запах рыбы, угля и морской соли — все это обрушилось на Викторию, едва она ступила на палубу, прощаясь с каютой, где провела последние три недели.

Она стояла у трапа, готовая сойти на берег. Солнце, пробившееся сквозь утренние облака, радостно светило в глаза, и графиня слегка прикрыла их рукой, привыкая к яркому свету после долгих дней в открытом море.

Позади нее стоял Лукан — безупречный, невозмутимый, с двумя тяжелыми саквояжами в руках. Он был одет в темно-синий дорожный костюм, на плечи был накинут длинный плащ, защищавший от ветра, а на голове — изящная треуголка. В этом образе он выглядел не как слуга, а как истинный аристократ, сопровождающий свою госпожу.

— Вы готовы, госпожа? — тихо спросил он, глядя на суету в порту.

— Готова, — ответила Виктория, и голос ее был тверд.

Она уверенно ступила на сходни, и доски заскрипели под ее ногами. «Северная роза» — корабль, ставший за эти недели почти родным, — оставался позади. Позади оставалась и Россия, которая успела стать ей домом. Впереди была Англия — родина, которую она покинула беглянкой и на которую возвращалась мстительницей.

На причале кипела жизнь. Несколько десятков человек толпились у трапа: кто-то встречал родных, кто-то торговал снедью, кто-то просто глазел на прибывающих пассажиров. Виктория заметила носильщиков с тележками, лакеев в ливреях, ожидавших знатных господ, нескольких офицеров в красных мундирах, равнодушно наблюдавших за суетой.

И среди всей этой пестрой толпы — ее.

Леди Маргарет стояла чуть поодаль от основной группы встречающих, укутанная в теплое дорожное пальто из тонкой шерсти нежно-голубого цвета, отороченное мехом. Из-под пальто выглядывал край платья из плотного шелка, такого же голубого цвета, с высоким воротником, защищающим от ветра. На голове у нее была изящная шляпка, придерживаемая лентами, завязанными под подбородком, чтобы не сдуло порывами ветра. В руках — муфта из белого меха, в которую она то и дело прятала пальцы, ожидая у причала. Рядом с ней стояла пожилая компаньонка в строгом сером платье и теплой накидке, но Маргарет, казалось, не замечала холода, нетерпеливо вглядываясь в сходящих с корабля пассажиров.

Когда Виктория появилась на сходнях, Маргарет издала радостный крик, заглушивший портовый шум.

— Виктория!

Она забыла о приличиях, забыла о том, что леди не подобает бегать, и буквально бросилась вперед, едва не сбив с ног какого-то грузчика. Через мгновение она уже была в объятиях кухни, крепко, по-детски сильно обнимая ее.

Виктория, чувствуя, как на глаза наворачиваются слезы, прижала к себе Маргарет, вдыхая знакомый запах ее духов — розы и фиалки, тот самый, что напоминал о детстве, о бабушкином саде, о временах, когда жизнь казалась простой и безоблачной.

— Моя дорогая, — прошептала Виктория, — как же я успела соскучиться!

— Ты прибыла раньше! — Маргарет отстранилась, заглядывая в глаза кузине. В ее голубых глазах сияли слезы радости и счастья. — Как же я рада! Я так боялась, что корабль задержится, что погода испортится, что... — она засмеялась сквозь слезы, — но ты здесь! Ты здесь!

Виктория улыбнулась, вытирая влагу со щек.

— Здесь.

Маргарет перевела взгляд на Лукана, стоявшего позади Виктории с саквояжами, и улыбнулась ему.

— И вы, господин Лукан, — произнесла она, — благодарю вас за заботу о моей кузине. Я знаю, вы всегда рядом, и это меня очень успокаивает.

Лукан слегка поклонился, не выпуская багажа.

— Рад служить, леди Маргарет. Ваша кузина в надежных руках.

— Мне известно, что твой... — Маргарет запнулась, подбирая слово, и понизила голос, — дворецкий позаботился об аренде поместья. Я тебя понимаю, почему ты решила поселиться немного дальше от моего дома. Я сохранила твой приезд в тайне от тетушки. Не хочу, чтобы она знала.

— И правильно сделала, — с улыбкой ответила Виктория.

Маргарет оглянулась по сторонам, словно ожидая, что Эбигейл могла появиться из-за ближайшего тюка с товарами.

— Я боялась, что кто-нибудь из ее людей увидит меня на причале и донесет. Поэтому взяла только старую миссис Харрисон, — она кивнула в сторону пожилой компаньонки, которая терпеливо ждала в стороне. — Она глуховата и плохо видит. Идеальный спутник для тайных дел.

Виктория рассмеялась, и этот смех — первый настоящий смех за долгие недели — разорвал остатки напряжения.

— Идем, — сказала она, беря Маргарет под руку. — Покажем Лондону, что Астоны вернулись.

Карета, которую Лукан предусмотрительно заказал заранее, оказалась просторной и элегантной — темно-синий кузов с гербом Астонов, который, как шепнул Виктории Лукан, он «позаимствовал» у местной геральдической конторы за щедрую плату. Внутри было мягко, тепло, с бархатными подушками и небольшим столиком, на котором уже стояли чайник с горячим чаем и тарелка с печеньем.

Лукан помог дамам устроиться. Виктория и Маргарет сели лицом вперед, миссис Харрисон, пожилая компаньонка, заняла место напротив, рядом с Луканом, который погрузил багаж на крышу и теперь, устроившись в карете, держался с достоинством истинного джентльмена.

— Вы позволите, леди Маргарет? — спросил он, принимая у нее муфту и перчатки, которые она сняла, оказавшись в тепле.

— Конечно, господин Лукан, — ответила Маргарет, и щеки ее порозовели — то ли от тепла, то ли от смущения перед столь галантным дворецким.

Миссис Харрисон, пристроившись у окна, смотрела на проплывающие мимо улицы с вежливым, но отстраненным интересом. Она была глуховата, и громкая беседа молодых дам не слишком ее беспокоила.

Карета тронулась.

Маргарет тут же вцепилась в руку Виктории, словно боялась, что та снова исчезнет.

— Ты не представляешь, что здесь творилось после твоего отъезда! — затараторила она, не в силах сдерживать радость. — Лорд Ричард был в ярости. Он требовал, чтобы его допустили к королю, чтобы объявили тебя в розыск, чтобы

— Чтобы что? — спокойно спросила Виктория.

— Ничего не вышло, — усмехнулась Маргарет, понижая голос. — Его отец, герцог, велел ему успокоиться и не позорить семью. Сказал, что ты сбежала, значит, не заслуживаешь чести стать женой Фицроя. Лорд Ричард, конечно, обиделся, но перечить отцу не посмел.

Она помолчала, потом добавила тише:

— Но он все еще говорит о тебе. И все еще ищет.

Виктория взглянула на Лукана. Тот сидел напротив, с непроницаемым лицом, но в глазах его мелькнул знакомый хищный огонек.

— Пусть ищет, — холодно сказала графиня. — Мне есть что ему сказать, когда мы встретимся.

Миссис Харрисон, погруженная в свои мысли, смотрела в окно, не обращая внимания на разговор. Ее седые кудри, выбившиеся из-под чепца, слегка колыхались на сквозняке.

Карета выехала из портовых кварталов и покатила по узким, мощенным булыжником улицам Лондона. Виктория смотрела в окно, узнавая и не узнавая родной город..

Вот Лондонский мост, все такой же тесный, застроенный домами, нависающими над водой. Вот улица Стрэнд, где когда-то стоял дом ее деда. Вот Сент-Джеймский дворец, где король Георг принимал иностранных послов. Город изменился — выросли новые здания, появились новые вывески, новые лица. Но запах остался прежним: уголь, конский навоз, речная вода, свежая выпечка из лавок — все это смешивалось в тот особенный, лондонский аромат, который невозможно забыть.

— Лукан нашел для вас поместье в Челси, — продолжала Маргарет. — Говорят, там очень красиво. И далеко от центра, что, я думаю, только на пользу. Тетушка редко выезжает так далеко.

— А где находится твой дом? — спросила Виктория.

— В Мейфере, — ответила Маргарет. — Дом мужа. Точнее, будущего мужа, — поправилась она, и щеки ее порозовели. — Он хороший, Виктория. Ты его полюбишь.

— Я верю, — мягко сказала Виктория.

Карета свернула с оживленной улицы на более тихую, обсаженную молодыми липами.

Дома здесь стояли просторные, с садами, отделенные от дороги коваными оградями. Челси в те годы был пригородом, где селилась знать, желавшая тишины и свежего воздуха.

Наконец экипаж остановился у высоких кованых ворот.

Лукан вышел первым, помог дамам спуститься. Виктория подняла глаза и замерла.

Поместье было двухэтажным, выстроенным из красного кирпича в георгианском стиле, который только входил в моду. Фасад отличался строгими пропорциями: высокие арочные окна, пилястры по бокам, изящный фронтон с лепным гербом (временным, как шепнул Лукан, но весьма убедительным). Входную дверь обрамляли две колонны, а над ней красовался изящный кованый балкончик.

Перед домом расстился небольшой, но ухоженный сад с подстриженными кустами самшита и дорожками, посыпанными гравием. За домом угадывался тенистый парк — несколько старых дубов и каштанов, за которыми, судя по всему, хорошо смотрели.

— Это... — Виктория обернулась к Лукану. — Это больше, чем я ожидала.

— Я старался, госпожа, — с легкой улыбкой ответил он. — Вы заслуживаете только лучшего.

Маргарет захлопала в ладоши, как ребенок.

— О, Виктория, здесь чудесно! Ты будешь жить как королева!

Виктория поднялась по каменным ступеням, и Лукан, опередив ее, распахнул тяжелую дубовую дверь.

Внутри было светло и просторно. Паркет из темного дуба, высокие потолки с лепниной, мраморный камин в гостиной, широкая лестница, ведущая наверх. Мебель, которую Лукан, видимо, также предусмотрительно арендовал, была в тон — добротная, элегантная, не слишком новая, но безупречного вкуса.

— Здесь есть все необходимое, — сказал Лукан, проходя вперед. — Гостиная, столовая, библиотека, несколько спален. Слуги придут завтра утром, но я распорядился, чтобы дом был готов к вашему приезду. На кухне есть провизия, в погребе — вино.

— Ты подумал обо всем, — тихо сказала Виктория.

— О вас, госпожа, — поправил он. — Я думаю только о вас.

Маргарет, уже успевшая обежать гостиную, вернулась к ним, сияя.

— Виктория, это лучшее, что могло случиться! Мы будем видеться каждый день! Я покажу тебе все, что изменилось, познакомлю с друзьями!

— Обязательно, дорогая, но сначала дела, — мягко сказала Виктория.

Маргарет вздохнула и, ответив теплой улыбкой кивнула.

— Ты права, моя милая кухня. Как всегда.

Они прошли в гостиную, и Лукан, бесшумно удалившись, вернулся с подносом, на котором дымился серебряный чайник и стояли изящные фарфоровые чашки с золотым ободком — тончайший китайский фарфор, который Лукан, вероятно, успел приобрести еще в Лондоне до их приезда.

Виктория и леди Маргарет сели на изящный диванчик, обтянутый бирюзовым велюром, с высокой резной спинкой в стиле королевы Анны. Маргарет махнула рукой своей компаньонке, стоявшей неподалеку, и та подала ей небольшую коробочку, обтянутую темно-синим бархатом. Глаза Маргарет горели нетерпением и радостью.

— Что это? — удивленно спросила Виктория.

— Милая сестра, я так ждала тебя, — Маргарет сделала паузу, и на ее глаза навернулись слезы. — Я никак не могу забыть ту историю с гребнем. Поэтому я приготовила тебе подарок. Никто, кроме меня и моего будущего мужа, о нем не знает, так что не волнуйся о его безопасности.

Она шмыгнула носом, вытерла слезу со щеки кончиком кружевного платочка, затем открыла коробочку и достала из нее шкатулку — небольшую, из розового дерева, с инкрустацией из перламутра. Крышка мягко щелкнула, открываясь.

Внутри шкатулки, на бархате цвета шампанского, лежал золотой гребень, украшенный крупными рубинами в старинной оправе. Рубины мерцали в свете камина, отбрасывая на стены алые блики. Рядом с гребнем покоились золотые серьги, также украшенные рубинами.

— Ох, какая красота! — восхищенно выдохнула Виктория, бережно беря в руки гребень. — Не стоило так сильно переживать из-за того гребня, Маргарет. Это было не твоей виной.

Она положила руку на плечо кухни, а затем крепко обняла ее.

— Не говори так, — прошептала Маргарет, уткнувшись в плечо сестры. — После того, что тогда произошло, я ночами долго не могла спать. Я все думала, что если бы ты успела им воспользоваться, если бы яд попал в кровь

— Но не попал, — мягко перебила Виктория, отстраняясь и заглядывая в глаза кухни. — Смотри, я здесь. Жива и здорова. И этот подарок, — она снова взглянула на гребень, — станет для меня самым дорогим.

— Правда? — Маргарет просияла.

— Правда.

Виктория нежно провела пальцем по носу кухни, заставляя ту рассмеяться сквозь слезы.

— Никогда не принимай так близко к сердцу то, что от тебя не зависит. Тем более такие «маленькие трагедии» с безделушками. У нас будут дела поважнее.

Маргарет кивнула, вытирая остатки слез, и взяла в руки чашку с чаем, которую Лукан бесшумно поставил перед ней.

Все это время дворецкий стоял в стороне, у камина, наблюдая за беседой двух сестер. На его лице не было привычной хитрой усмешки — только спокойная, почти умиротворенная внимательность. Девушки пили чай, смеялись, вспоминали детство, обсуждали предстоящую свадьбу, и время летело незаметно.

Когда наступил час обеда, Лукан бесшумно удалился на кухню. Леди Маргарет была восхищена тем, как дворецкий справляется с приготовлением — запеченная курица с травами, нежный крем-суп, свежий хлеб и изысканный десерт из засахаренных фруктов ничуть не уступали лучшим лондонским поварам.

— Твой дворецкий — настоящее сокровище, — заметила Маргарет, отставляя тарелку. — Где ты только такого нашла?

— В России, — улыбнулась Виктория. — Случайно. И не прогадала.

Лукан, стоявший у двери, чуть заметно склонил голову, принимая комплимент.

После обеда Маргарет в сопровождении миссис Харрисон покинула поместье. У крыльца ее ждала карета, присланная будущим мужем — темно-зеленая, с гербом его семьи. Маргарет обняла Викторию на прощание так крепко, словно боялась снова потерять.

— Послезавтра я приеду снова, — пообещала она. — Познакомлю тебя с лордом Уильямом. Ты должна его одобрить.

— Обязательно, — улыбнулась Виктория. — Ступай, скоро начнет темнеть.

Карета тронулась, и Маргарет еще долго махала рукой в окно, пока экипаж не скрылся за поворотом.

Лукан проводил Викторию на второй этаж, в ее новую комнату.

Она оказалась просторной, с высокими потолками и двумя большими окнами, выходящими в сад. За окнами постепенно сгущались сумерки, и последние лучи заходящего солнца золотили верхушки старых дубов.

Пол был выложен темным дубовым паркетом, натертым до блеска. Стены, обитые бледно-голубым штофом с серебристым узором, придавали комнате воздушность и свет. В углу стоял массивный платяной шкаф из красного дерева с резными ножками, рядом — изящный туалетный столик с овальным зеркалом в золоченой раме. На столике уже были расставлены флаконы, которые Лукан предусмотрительно выставил из ее дорожных вещей.

В центре комнаты возвышалась кровать под балдахином из тяжелого голубого бархата с серебряной бахромой. Постельное белье было свежим, пахнущим лавандой, а на подушках лежал небольшой букет сухих цветов — еще одна маленькая забота дворецкого.

У камина, в котором уже весело потрескивал огонь, стояли два глубоких кресла, обитых темно-синим бархатом, и небольшой столик между ними. На столике горела свеча, отбрасывая на стены теплые, уютные блики.

— Надеюсь, вам здесь будет удобно, госпожа, — тихо произнес Лукан, ставя последний саквояж у стены.

— Здесь прекрасно, — ответила Виктория, обводя комнату взглядом. — Ты подумал обо всем.

— Я старался, — скромно ответил он. — Ванная комната — в конце коридора, слева. Я распорядился, чтобы воду грели по утрам и вечерам. Если вам что-то понадобится, достаточно позвать.

Он направился к двери, но на пороге остановился.

— Графиня, — сказал он, не оборачиваясь, — вы сегодня много смеялись. Это хорошо.

— Ты считаешь? — Виктория опустила в кресло у камина.

— Я знаю, — ответил Лукан. — Ваш смех... он меняет всё.

Он вышел, бесшумно притворив за собой дверь.

Виктория осталась одна. Она смотрела на пламя в камине, на пляшущие тени, и думала о том, как странно устроена жизнь. В России она нашла убежище, а в Англии — надежду. И где-то между ними — демона, который заботится о ней лучше любого человека.

Затем Виктория поднялась с кресла, взяла с туалетного столика золотой гребень, подаренный Маргарет, и провела пальцами по холодным, гладким камням.

— Рубины, — прошептала она. — Как ликорис. Как кровь.

Внизу, в гостиной, Лукан задержался у камина, глядя на огонь.

Он поправил манжеты, стряхнул невидимую пыль с камзола и направился на кухню, проверить, все ли готово к завтрашнему дню.

В доме было тихо. Только старые часы в холле мерно отсчитывали секунды, да ветер за окном тихо шелестел молодыми листьями на деревьях.

Ночь вступала в свои права.

Глава 2 Смущенная графиня

После принятия горячей ванны Виктория еще некоторое время сидела в кресле у камина, дожидаясь, пока уйдет влага с волос. Тепло разливалось по телу, расслабляя мышцы, уставшие после долгой дороги. Пламя в камине тихо потрескивало, отбрасывая на стены уютные, пляшущие тени.

Когда волосы почти просохли, она взяла подаренный кузиной гребень и медленно, с наслаждением расчесала тяжелые темные пряди. Рубины в старинной оправе мягко поблескивали в свете камина, играя сочными алыми бликами.

Наконец, отложив гребень на туалетный столик, Виктория легла в постель.

Мягкая кровать, способная уместить на себе десять человек, свежее белье, пахнущее лавандой, тишина и покой — казалось, уставшая в столь долгом пути графиня должна была уснуть мгновенно. Но нет.

Сон не шел.

Виктория то и дело ворочалась в кровати, то куталась в одеяло, то зажимала его между ног, то раз за разом переворачивала подушки, пытаясь найти удобное положение. Тени на стенах казались ей то знакомыми силуэтами, то странными, пугающими образами. Где-то в доме скрипнула половица, и сердце на мгновение пропустило удар.

— Да что же это такое? — проворчала Виктория, глядя на прогорающий камин, в котором остались лишь тлеющие угли.

Она откинула одеяло, накинула теплый халат из темно-синего бархата, и, взяв с туалетного столика подсвечник с одинокой свечой, отправилась бродить по поместью.

Свеча дрожала в ее руке, отбрасывая на стены причудливые тени. Виктория медленно шла по длинному коридору второго этажа, разглядывая картины, висевшие на стенах. Старые полотна в тяжелых золоченых рамах изображали лесные пейзажи и старые английские улицы. Такие знакомые и одновременно чужие.

Она открыла несколько дверей и заглянула внутрь. В одной комнате стояла старинная кровать под балдахином, затянутая чехлами. В другой — письменный стол и пустые книжные шкафы. В третьей — небольшой клавесин, покрытый пылью, словно его не трогали годами.

Днем осмотреть поместье как следует она не смогла — слишком была увлечена долгожданной встречей с кузиной. Но теперь, когда сон бежал от нее прочь, самое время было восполнить упущенное.

Виктория неспешно обошла второй этаж. Помимо спален она нашла кладовую, забитую старой мебелью и сундуками, небольшую гостиную с камином, в котором давно не горел огонь, и кабинет с большим письменным столом из красного дерева и книжными шкафами, на полках которых, впрочем, не было ни одной книги.

— Лукан явно не успел заполнить их, — прошептала она, проводя пальцем по пустой полке. — Надо будет напомнить.

Затем Виктория медленно спустилась на первый этаж.

В гостиной, где она провела почти весь день, все еще плясал огонь в камине — поленья, видимо, кто-то подбросил незадолго до ее появления. Она остановилась на пороге, окидывая комнату взглядом, наслаждаясь теплом и уютом.

И вдруг в коридоре раздались шаги.

Виктория вздрогнула. Сердце заколотилось где-то в горле. Она не хотела, чтобы ее ночную прогулку кто-то застал — особенно Лукан, который потом будет смотреть на нее с той самой понимающей, чуть насмешливой улыбкой.

Она быстро затушила свечу, «задув» пламя одним движением руки, и скользнула за массивный шкаф, стоявший у стены. Рядом с ним возвышался огромный горшок с фикусом, чьи темные листья надежно скрывали ее от посторонних глаз.

Выглянув из-за шкафа, она увидела Лукана.

Он, видимо, только что вышел из ванной. Волосы его были влажными, темные пряди прилипли к вискам и затылку. На нем было лишь белоснежное полотенце, обернутое вокруг бедер. Он направлялся к камину — к тому самому, у которого всего мгновение назад стояла Виктория.

Она замерла, не в силах отвести взгляд.

Безупречный торс, широкие плечи, крепкие, но не перекачанные мышцы — все это Лукан обычно скрывал под безупречными камзолами и рубашками. Теперь же она видела его таким, каким его не видел никто. Мраморная белая кожа, казалось, светилась в отблесках камина, без единого изъяна, без шрамов, без следов времени — словно его тело было высечено из цельного куска самого совершенного камня.

Виктория с трудом оторвала взгляд от его фигуры — и только потому, что Лукан вдруг потянулся к краю полотенца, собираясь снять его, чтобы вытереть волосы.

Графиня не только отвернулась — она прикрыла глаза рукой, словно боясь, что он каким-то образом почувствует ее взгляд сквозь стену.

«Что я тут делаю? — лихорадочно думала она. — А если он меня обнаружит? Что я ему скажу?»

Она опустила руку и уставилась на потушенную свечу в подсвечнике, боясь пошевелиться.

В голове была пустота, а сердце колотилось так, что, казалось, его стук вот-вот разбудит весь дом.

Выждав немного, Виктория прислушалась.

Тишина.

Она осторожно выглянула из-за шкафа.

— Что он там, уснул, что ли? — прошептала она себе под нос.

У камина никого не было. Лукан буквально исчез.

Виктория вздохнула с таким облегчением, что едва не рассмеялась вслух. И тут же поняла: сон наконец пришел. Та самая сладкая, неодолимая усталость разлилась по телу, и глаза начали слипаться.

Она поспешила к себе, уже не зажигая свечи — глаза привыкли к темноте, и лунный свет, проникавший сквозь окна, серебристыми дорожками освещал путь.

Вернувшись в свою комнату, она обнаружила, что в камине вновь горит огонь. Кто-то подбросил свежих дров, и пламя весело лизало поленья, разгоняя ночной холод.

Виктория улыбнулась. Лукан уже был здесь. Позаботился о ней, даже не зная, что она бродит по дому.

Она легла в кровать, натянула одеяло до самого подбородка и, обняв подушку, закрыла глаза. В голове все еще мелькали образы: мраморная кожа, сильные руки, белоснежное полотенце, огонь в камине, отблески на его лице

— Глупости, — прошептала она в подушку. — Просто глупости.

Но на губах ее застыла улыбка.

Сон пришел быстро — мягкий, теплый, без сновидений.

Свет ворвался в комнату так же быстро, как и сон после ночной прогулки. Лукан одним взмахом раздвинул тяжелые шторы, впуская в спальню потоки утреннего солнца, и с самовольной улыбкой повернулся к графине.

Виктория с трудом открывала глаза, щурилась от яркого света, а потом и вовсе с головой укуталась в одеяло.

— Просыпайтесь, госпожа! — бодро сказал Лукан, направляясь к кровати. — Это ваше первое утро в Англии спустя больше чем полгода.

Он взял в руки изящный фарфоровый чайничек с горячим молоком и принялся наливать его в кружечку с золотым ободком.

— Ах, дай мне еще немного полежать, — лениво протянула Виктория из-под одеяла. — Я понимаю, что работа не ждет, просто я... так долго не могла уснуть

— И правда, — с самодовольной улыбкой промурлыкал Лукан, — пол ночи изучали поместье.

Глаза Виктории распахнулись. Сон как рукой сняло. Она резко приподнялась в кровати, удерживая одеяло на груди.

Лукан, уже наливший молоко в кружку, приложил ко рту кулак и едва слышно усмехнулся.

— И ничего я не изучала! — возмутилась Виктория, и щеки ее предательски залились румянцем. — С чего ты вообще это взял?

— И правда... — протянул Лукан, протягивая ей кружку. — Только почему вы так покраснелись?

Он подал кружечку госпоже, сделал шаг назад и невинно приложил ладонь в белоснежной перчатке к щеке, изображая глубокую задумчивость.

— Ничего я не краснела! — Виктория старалась говорить строго, но голос предательски дрогнул. — С чего ты это взял?

— Да так, ни с чего. Просто предположение

— Предположение? — Виктория отпила молоко и поставила кружку на прикроватную тумбу.

— Просто я лег спать достаточно поздно, — невозмутимо продолжил Лукан. — После полуночи я был в гостиной у камина и отчетливо чувствовал запах воска. Казалось, кто-то только что затушил свечу

— Ты говорил, слуг нанял, — не сдавалась Виктория, стараясь придать голосу спокойствие. — Видимо, им и не спалось.

— Точно... — Лукан наигранно задумался. — Странно, что я об этом не подумал. Должно быть, это был кто-то из прислуги. Тот, кто прятался за шкафом...

Виктория вспыхнула еще сильнее, но нашла в себе силы посмотреть на него с ледяным спокойствием.

— Ладно. Я хочу принять ванную и переодеться. Оставь меня одну.

— Как прикажете, госпожа.

Лукан поклонился с той самой безупречной грацией, которая была ему свойственна, и покинул комнату, бесшумно притворив за собой дверь.

Виктория осталась одна. Она перевела дух, прижимая ладонь к груди, где бешено колотилось сердце.

— Неужели он знал о моем присутствии? — прошептала она, и лицо ее вновь залилось краской.

Она откинулась на подушки и уставилась в потолок, пытаясь унять смущение.

— И зачем я только туда пошла? — проворчала она себе под нос. — Надо было просто лежать в кровати и спать.

Но где-то в глубине души она знала: даже если бы ей предложили вернуться в прошлую ночь, она снова пошла бы туда. Снова спряталась за шкаф. Снова увидела его.

Более того, Лукан подыграл ей. Ведь прислуга должна была прибыть только утром, а это значит, что он знал — в доме никого нет, кроме них двоих. Знал и все равно вышел в гостиную полуобнаженным, да еще и подбросил дров в камин, чтобы она точно его заметила.

Виктория сердито отбросила одеяло и направилась в ванную, стараясь не думать о том, что произошло.

Но мысли упрямо возвращали ее к мраморной коже, к влажным волосам, к отблескам камина на его лице.

— Глупости, — сказала она своему отражению в зеркале. — Просто глупости.

Отражение смотрело на нее с той же смесью смущения и решимости, что она чувствовала внутри себя.

Лукан спустился вниз и застал на кухне молодую девушку — Мэри, которую он нанял на время пребывания в Лондоне. На вид ей было около двадцати лет, с рыжеватыми волосами и веснушчатым лицом, одета в скромное серое платье и белоснежный передник. Рядом с ней хлопотал пожилой мужчина по имени Томас, который должен был помогать по хозяйству и выполнять поручения.

Мэри, увидев Лукана, покраснела и принялась усердно протирать и без того чистую столешницу. Томас же, человек бывалый, спокойно кивнул и продолжил возиться с кастрюлями.

— Доброе утро, — сказал Лукан, завязывая фартук. — Госпожа проснулась. Скоро спустится. Как продвигается завтрак?

— Всё готово, сэр, — ответил Томас, снимая пробу с соуса. — Яйца, бекон, свежий хлеб, только что из печи. Мэри сварила кофе.

— Отлично. — Лукан взялся за тесто для пирожных, которые Виктория любила по утрам. — Сегодня у нас важный день. Госпожа будет знакомиться с домом, возможно, понадобится помощь с разборкой оставшихся вещей.

— Мы всё сделаем, сэр, — выпалила Мэри, покраснев еще сильнее.

Лукан едва заметно улыбнулся.

Виктория грациозно спустилась по лестнице, окинула взглядом окружающую обстановку и направилась в столовую. Лукан уже ожидал ее у накрытого стола. Белоснежная скатерть, серебряные приборы, фарфоровые тарелки с тончайшим золотым ободком — все было продумано до мелочей.

Он отодвинул стул, приглашая графиню садиться, затем налил ей горячий кофе из изящного серебряного кофейника. Аромат свежего напитка наполнил комнату, смешиваясь с запахом свежее испеченного хлеба и бекона.

Виктория взяла вилку и нож и принялась нарезать яичницу. Отрезав кусочек, она украдкой кинула взгляд на Лукана. Тот, заметив это, самодовольно ухмыльнулся, отодвинул стул и сел по правую руку от графини.

— И как вам? — спросил Лукан, отпивая кофе из своей кружки.

Виктория едва не поперхнулась.

— О чем ты?

— Вы так раскраснелись... — он сделал паузу, наслаждаясь ее смущением. — Хотел было услышать вашу оценку.

Лукан отставил кружку в сторону и облокотился на обе руки, всем своим видом показывая, что никуда не торопится.

— Ты издеваешься? — Виктория строго взглянула на него, отложила столовые приборы и скрестила руки на груди.

— Ни в коем случае, госпожа, — с наигранной невинностью ответил он. — Я лишь хочу услышать ответ на свой весьма скромный вопрос.

— К чему ты клонишь?! — не сдавалась Виктория, чувствуя, как щеки заливаются предательским румянцем.

— Ночью в гостиной вы так долго на меня смотрели, — произнес Лукан, и голос его стал тише, почти мурлыкающим. — Оторвали глаза лишь когда я

— Прекрати! — Виктория встала из-за стола, едва не опрокинув стул.

Она кинула гневный взгляд на Лукана и спешно направилась к лестнице. Обернувшись через плечо, она убедилась, что он не следует за ней. Однако, как только она повернулась обратно к лестнице, Лукан уже стоял перед ней — бесшумный, как тень, невозмутимый, с той самой хитрой улыбкой на губах.

— Я вас чем-то обидел? — тихо спросил он.

— Не нужно делать вид, что тебя это цепляет, — проворчала Виктория, стараясь говорить как можно более равнодушно, но голос предательски дрожал.

Она обошла дворецкого и поднялась вверх по лестнице. Дойдя до своей комнаты, она вновь обернулась. Его не было.

Виктория вздохнула с облегчением, вошла в комнату и закрыла дверь изнутри, прислонившись к ней спиной.

— Вот черт, — прошептала она.

Она осталась одна. Подойдя к туалетному столику, Виктория всмотрелась в свое отражение и никак не могла понять, почему его вопрос так ее зацепил. Почему она так бурно отреагировала? Ведь могла ответить равнодушно — и он бы сразу отстал.

— Ну же, Виктория, — сказала она своему отражению. — Соберись. Подумаешь, голый мужчина. Что в этом такого?!

Она приложила ладони к щекам. Жар постепенно отступал, и цвет лица возвращался к привычному, благородному оттенку.

— Так-то лучше. — Она выпрямилась, поправила сбившуюся прядь. — Осталось подобрать наряд для прогулки.

Графиня подошла к огромному массивному шкафу из темного дуба, который Лукан уже успел заполнить ее вещами, и принялась осматривать одежду. Сегодняшний день она хотела посвятить прогулке — впервые за долгое время просто гулять без дела, вдыхать лондонский воздух, смотреть на знакомые с детства улицы.

«Больше он к этой теме не должен вернуться...» — думала про себя Виктория, перебирая платье.

А может, просто успокаивала сама себя.

Она остановила выбор на темно-синем платье из тонкой шерсти — наряд, достаточно строгий для прогулки, но с изящной вышивкой серебряной нитью по вороту и рукавам.

Платье было сшито по последней парижской моде: лиф плотно облегал фигуру, юбка мягко расширялась к низу, не требуя громоздких фижм. К нему полагалась короткая накидка из того же материала, отороченная мехом, и изящная шляпка с вуалью.

Виктория провела пальцами по гладкой ткани, вспоминая, как в России она носила более теплые наряды, как привыкла к русским морозам и пушистым снегам. А теперь снова Англия, с ее сырым ветром и капризным солнцем.

— Ничего, — сказала она себе. — Я здесь ненадолго. Только разберусь с делами и вернусь.

Она сняла платье с вешалки и аккуратно разложила на кровати, готовясь к выходу.

Внизу, в столовой, Лукан убирал со стола. Он двигался бесшумно, но мысли его были далеко. На губах его играла легкая, самодовольная улыбка.

«Интересно, сколько времени ей понадобится, чтобы успокоиться? — думал он. — И сколько — чтобы признаться себе, что ей было приятно на меня смотреть?»

Он усмехнулся и понес посуду на кухню, где всю хлопотали Мэри и Томас.

— Госпожа скоро выйдет, — объявил он. — Приготовьте все к прогулке. Карету подадите через час.

— Слушаемся, сэр, — ответил Томас.

День обещал быть насыщенным и интересным.

Глава 3 Тени прошлого

Виктория вышла из поместья в сопровождении Лукана, на которого она старалась даже не смотреть. Тот же едва скрывал ухмылку, но держался с безупречной учтивостью, подавая госпоже руку, чтобы помочь сесть в карету.

Они устроились напротив друг друга, и карета тронулась, мягко покачиваясь на мощных улицах Челси. Виктория смотрела в окно, делая вид, что целиком поглощена видами. Лукан сидел с непроницаемым лицом, но в уголках его губ все еще таилась легкая, едва заметная улыбка.

— Куда мы едем? — спросила Виктория, не оборачиваясь.

— На Ковент-Гарден, — ответил Лукан. — Я подумал, что вам будет приятно прогуляться там, где когда-то так часто бывали. К тому же, там всегда много народу, и можно незаметно послушать, что говорят в городе.

Виктория не ответила, но взгляд ее оживился. Ковент-Гарден. Место, где когда-то она с родителями ходила на представления, где торговали цветами и фруктами, где собирались актеры, писатели и те, кто хотел быть в курсе всех новостей.

Карета выехала на более широкую улицу, и город предстал перед ними во всей своей утренней красе. Солнце, наконец пробившееся сквозь облака, заливало Лондон теплым золотистым светом. Дома из красного кирпича, выстроившиеся ровными рядами, сияли чисто вымытыми окнами. Улицы были полны жизни: экипажи сновали туда-сюда, торговцы зазывали прохожих, лакеи в ливреях спешили с поручениями.

Люди были одеты по-весеннему, но по-лондонски основательно. Мужчины в темных сюртуках и треуголках, с тростями в руках, неторопливо прогуливались по тротуарам. Дамы в легких шерстяных платьях, поверх которых были накинуты короткие пелерины или кашемировые шали, шли под руку с кавалерами. Детей в нарядных костюмчиках вели гувернантки в строгих серых платьях и белых чепцах.

Карета въехала на Ковент-Гарден и остановилась у края площади. Виктория попросила кучера подождать и вышла.

Площадь Ковент-Гарден была в этот час полна жизни и красок. В центре возвышалась церковь Святого Павла — та самая, которую называли «актерской церковью», потому что ее прихожанами были многие театральные знаменитости. Ее портик с мощными колоннами встречал входящих величественной тенью, а за ним, на площади, кипела совсем иная, пестрая и шумная жизнь.

Здесь торговали всем, что только можно вообразить. Цветочницы в больших соломенных шляпах предлагали букеты свежих роз, гвоздик и лилий, их корзины были полны ярких красок, а воздух над ними стоял густой, сладкий. Продавцы фруктов выкрикивали цены на яблоки, груши, апельсины, привезенные из Испании, и редкие в это время года клубнику и вишню. Торговки зеленью в полосатых передниках, с коробами, полными петрушки, щавеля и молодого лука, переругивались с покупательницами, сбивая цену.

Чуть поодаль расположились ремесленники. Старьевщик расхваливал поношенные камзолы и кружевные манжеты, уверяя, что они принадлежали самому лорду такому-то. Лудильщик с ожерельем из медных кастрюль на шее зазывал прохожих починить посуду. Писарь в засаленном парике сидел за складным столиком и предлагал свои услуги всем, кто не умел писать сам.

Но больше всего народу собиралось у театральных афиш. Несколько человек в потертых плащах и шляпах с широкими полями — актеры, не имевшие ангажемента, или, может быть, просто любители — обсуждали достоинства новой пьесы, только что поставленной в театре на

Друри-Лейн. Кто-то утверждал, что главная актриса «недурна собой», кто-то спорил о достоинствах стиха.

Виктория остановилась послушать, и в глазах ее мелькнула легкая усмешка.

— Не изменилось, — тихо сказала она. — Все те же споры о театре, все те же продавцы, все те же запахи.

— Вам нравится? — спросил Лукан, стоя чуть позади, как и подобает дворецкому.

— Да, — ответила она. — Здесь чувствуется жизнь. Не та, что во дворцах и гостиных, а настоящая. Люди здесь говорят то, что думают, не боясь быть непонятыми.

Она прошла дальше, к рядам, где торговали книгами. Букинисты раскладывали свои товары прямо на прилавках или даже на расстеленных на земле одеялах. Здесь можно было найти все: от дешевых памфлетов до дорогих фолиантов в кожаном переплете. Виктория взяла в руки одну книгу, полистала, поставила на место.

— Ищете что-то конкретное? — спросил Лукан.

— Нет, — ответила она. — Просто смотрю.

Она остановилась у лотка, где торговали гравюрами. На одной из них был изображен портрет молодого человека в военном мундире. Что-то в его лице показалось ей знакомым.

— Кто это? — спросила она у продавца.

— А, это князь Голицын, — охотно ответил тот. — Русский вельможа, что пропал в Лондоне полгода назад. Гравюры эти для тех, кто его ищет. Родственники, видать, богатые, платят хорошо. — Он понизил голос. — Говорят, его видели в портовых тавернах, точно не знаю, но поговаривают, что он в долги влез и сбежал. Однако кто ж его знает, где правда, а где ложь?

Виктория взяла гравюру, внимательно всмотрелась в лицо.

— Сколько? — спросила она.

— Для вас, миледи, за пять шиллингов, — с готовностью ответил торговец.

Виктория кивнула Лукану, и тот расплатился.

Они отошли от лотка, и Виктория снова взглянула на портрет.

— Похож на человека, который что-то скрывает, — тихо сказала она. — Или на того, кто боится.

— Или на того, кто знает, что его ищут, — добавил Лукан.

Виктория спрятала гравюру в ридикюль и оглядела площадь.

— Мы здесь не случайно, — сказала она. — Ты знал, что здесь будут продавать эти гравюры.

— Я догадывался, — скромно ответил Лукан. — Такие вещи всегда появляются там, где много народу. И там, где говорят.

Она посмотрела на него долгим взглядом, и впервые за сегодняшнее утро в ее глазах не было смущения — только спокойная, твердая решимость.

— Что ж, — сказала она. — Первая ниточка у нас есть.

Она повернулась и направилась обратно к карете, но на полпути остановилась.

— Лукан, — позвала она.

— Да, госпожа?

— Хочу посетить парк. Сент-Джеймский. Я там бывала с матушкой, когда была ребенком. Хочу посмотреть, как он выглядит теперь.

— Как скажете, госпожа, — поклонился Лукан.

Карета въехала в парк через массивные кованые ворота, и городской шум остался позади. Сент-Джеймский парк был одним из старейших в Лондоне, и здесь всегда былолюдно, но не так шумно, как на Ковент-Гарден.

Солнце заливало зеленые луга теплым золотистым светом, и в воздухе пахло свежей травой, цветущими каштанами и сырой землей. Узкие дорожки, посыпанные гравием, вились между аккуратно подстриженными газонами и клумбами, на которых уже распустились первые тюльпаны и нарциссы.

В центре парка сверкало озеро, на котором грациозно скользили лебеди и утки. Дети в нарядных костюмчиках с визгом бегали по берегу, бросая птицам хлебные крошки, а их гувернантки в строгих серых платьях и белых чепцах чинно сидели на скамьях, не спуская с подопечных глаз.

Публика здесь собралась пестрая. Ближе к северной стороне парка, где из-за деревьев уже виднелись кирпичные башни Сент-Джеймского дворца, прогуливались придворные и знатные особы. Дамы в платьях из тяжелого шелка с широкими юбками и фижмами, в маленьких шляпках с перьями или кружевными вуалями, важно шествовали под руку с кавалерами в темно-зеленых или синих камзолах с серебряным шитьем, при шпагах и в высоких сапогах. Их волосы, уложенные в сложные прически, лишь слегка тронула пудра — в Лондоне предпочитали более естественную моду, чем при французском дворе.

Чуть поодаль, в тени старых дубов, расположились те, кто пришел в парк не ради показательных прогулок, а для отдыха. Молодые люди в простых сюртуках и круглых шляпах сидели на траве, читая газеты или о чем-то увлеченно споря. Художник в берете рисовал с натуры старый дуб, привлекая внимание прохожих своим сосредоточенным видом. Пожилая дама в скромном коричневом платье и соломенной шляпке кормила голубей, и птицы облепили ее с ног до головы, заставляя ее тихо смеяться.

Виктория вышла из кареты и глубоко вдохнула знакомый с детства воздух.

— Здесь почти ничего не изменилось, — тихо сказала она, оглядываясь.

— Только дворец стал еще заметнее, — заметил Лукан, кивая в сторону кирпичных башен, возвышавшихся за деревьями.

Виктория проследила за его взглядом.

— Сент-Джеймский дворец, — сказала она. — Здесь теперь живет король Георг. Я помню, как матушка водила меня смотреть на королевские выезды. Мы стояли вот здесь, у ограды, и ждали, когда карета с королем проедет по Мэллу.

— Хотите подойти ближе? — спросил Лукан.

— Нет, — ответила Виктория. — Я пришла сюда не за королевскими почестями. Я пришла вспомнить.

Она прошла по аллее, где когда-то бегала с мячом, пока отец учил ее играть в крикет. Вот скамейка, на которой мама любила сидеть с книгой, пока маленькая Виктория кормила уток. Вот старый дуб, под которым она пряталась от дождя.

— Вы грустите? — тихо спросил Лукан, идя чуть позади.

— Нет, — ответила Виктория. — Вспоминаю. И понимаю, что не все в этой жизни проходит бесследно. Некоторые места хранят память, даже когда людей уже нет.

Она остановилась у кованой ограды, за которой расстился луг, где паслись олени. Знакомая картина, почти не изменившаяся за годы.

— Я была здесь совсем ребенком, — сказала она. — Мама водила меня смотреть на оленей. Я тогда думала, что это волшебный лес, а олени — сказочные создания.

— А теперь? — спросил Лукан.

— А теперь я знаю, что волшебство существует, — ответила Виктория, и в голосе ее прозвучала легкая усмешка. — Просто оно выглядит иначе, чем я думала в детстве.

Лукан подошел немного ближе к Виктории и устремил взгляд на пасущихся оленей, как вдруг позади них послышались приближающиеся шаги.

В груди Виктории что-то екнуло — то странное, тревожное предчувствие, когда нутро сжимается в ожидании неизбежного. Она медленно обернулась.

Буквально в метре от нее остановился лорд Ричард Джеймс Фицрой.

Высокий, темно-русый, с хитрыми карими глазами, в которых сейчас читалась плохо скрываемая буря. Густые брови сошлись на переносице, придавая лицу суровое, почти гневное выражение, но аристократичные черты оставались безупречными — точеный нос, волевой подбородок, четкая линия скул. Кожа была ровной, светлой, без единого изъяна — удел тех, кто никогда не знал нужды и тяжелого труда.

Одет он был с той особой элегантностью, что отличала лондонскую знать от континентальной. Темно-серый сюртук из тонкой шерсти, сшитый по последней моде, сидел на нем безупречно, подчеркивая широкие плечи и узкую талию. Под сюртуком — жилет из серебристо-серого шелка, расшитый тонкими темными нитями, и белоснежная рубашка с высоким воротником, из-под которого выглядывал аккуратно завязанный галстук. Брюки, такие же темно-серые, плотно облегли ноги и были заправлены в высокие сапоги из черной кожи, начищенные до зеркального блеска.

На руках — тонкие кожаные перчатки цвета слоновой кости, на большом пальце правой руки — массивный перстень с фамильным гербом, вырезанным на темно-синем сапфире. В левой руке он держал трость из черного дерева с набалдашником из слоновой кости — не столько для опоры, сколько для демонстрации статуса.

— Поверить не могу, — начал тихо Ричард Фицрой, и в голосе его слышалась смесь гнева, боли и удивления. — Моя сбежавшая невеста.

Он перевел взгляд на Лукана, стоявшего чуть позади Виктории. В его карих глазах вспыхнула холодная, колючая ненависть. Он смотрел на Лукана так, словно взглядом пытался вонзить в него сотню невидимых кинжалов.

— Здравствуй, Ричард, — спокойно произнесла Виктория, и на ее губах заиграла легкая, непринужденная улыбка, которая, казалось, только разожгла гнев графа.

— Просто «здравствуй»? — Фицрой сделал шаг вперед, сокращая расстояние между ними. — Вот так, спокойно? После всего, что было?

Он снова перевел взгляд на Лукана, а затем обратно на Викторию.

— Кто он?

— Мой дворецкий, — ответила Виктория. — Моя тень. Лукан Теневин.

Лукан слегка поклонился, не сводя с графа внимательного взгляда.

— Здравствуйте, господин Фицрой.

Однако тот даже не взглянул на него. Все его внимание было приковано к Виктории.

— Почему ты уехала? — Фицрой сделал еще один шаг, и теперь они стояли так близко, что Виктория чувствовала его дыхание. — Ты даже не представляешь, сколько боли причинила мне этим поступком. Я места себе не находил. Виктория

Он протянул руку к ее лицу, намереваясь нежно коснуться щеки. Но Виктория, словно предугадав его движение, отступила на шаг, оказавшись ближе к Лукану.

— Ты забываешься, Ричард, — строго сказала она, и в голосе ее зазвенел холодный металл. — Мы сейчас находимся в парке, где много людей. Не нужно забывать о приличиях. Более того, я уже не являюсь твоей невестой.

Рука Фицроя повисла в воздухе. Он опустил ее, но взгляд стал еще жестче.

— Где ты остановилась? — спросил он, и голос его из мягкого переменялся на требовательный, почти приказной. — Ты ведь приехала на свадьбу кузины. И приехала гораздо раньше. О твоём приезде, судя по всему, никто даже не знает.

Лукан, стоявший чуть поодаль, внимательно наблюдал за графом. В его синих глазах зажглись знакомые хищные искорки. Он понимал: Фицрой не из тех, кто отпускает так просто. Он будет искать. Он найдет. И это значило только одно — ухо нужно держать востро.

— Прощу тебя, Ричард, — сказала Виктория, и голос ее был спокоен, но тверд. — Не нужно меня засыпать вопросами. Мы с тобой обязательно поговорим, но гораздо позднее. Не ищи меня. Я дам тебе знать, где и когда мы встретимся.

Она кивнула Лукану.

— Лукан?

Они развернулись и направились к карете.

— Виктория Астон! — крикнул Фицрой и поспешил за ней.

Он схватил ее за руку, резко развернув к себе. Мимо проходившая пожилая пара обернулась, с любопытством наблюдая за сценой.

Лукан мгновенно оказался рядом. Он взял руку графа и сжал ее с такой силой, что тот вздрогнул. Лукан посмотрел на него тяжелым, ледяным взглядом — тем самым, от которого у Виктории когда-то бежали мурашки по коже. Взглядом, в котором не было ничего человеческого.

Фицрой на мгновение замер, чувствуя, как по спине пробегает невыносимый холод. Пальцы его разжались сами собой.

Лукан отпустил его руку, и они с Викторией быстро зашагали к карете.

— Поспешим, — тихо сказала Виктория, не оборачиваясь. — Не хочу здесь больше находиться.

Лукан помог ей сесть в экипаж и, прежде чем закрыть дверцу, бросил быстрый взгляд на графа. Тот стоял на том же месте, провожая их взглядом, полным ненависти и боли.

Когда карета скрылась за поворотом, Фицрой подозвал своего камердинера, ждавшего в тени деревьев.

— Следуйте за ними, — приказал он, не оборачиваясь. — Выясните, где она остановилась. И побыстрее. Я не люблю ждать.

Камердинер молча поклонился и исчез в толпе гуляющих.

Фицрой проводил его взглядом, затем развернулся и направился к своей карете.

— Что скажете о вашем бывшем женихе? — спросил Лукан, усаживаясь напротив. Хоть он и догадывался, каков будет ответ, но все же решил уточнить.

— Лорд Ричард Фицрой, граф Сассекский, — ответила Виктория, откидываясь на спинку сиденья. — И он опасен.

— Я заметил, — кивнул Лукан.

— Потому и не хочу, чтобы он знал, где я живу, — сказала Виктория. — По крайней мере пока.

Карета тронулась, увозя их прочь от парка, от королевского дворца, от случайных встреч и старых обид.

— Он будет искать, — заметил Лукан.

— Пусть, — холодно ответила Виктория. — Нам есть о чем с ним поговорить, однако это будет гораздо позднее.

Она отвернулась к окну, давая понять, что разговор окончен.

Настроение графини было подобно тучам, которые постепенно начали закрывать лондонское небо. Солнце, еще час назад такое щедрое, теперь пряталось за свинцовыми облаками. Началась мелкая морось — та самая, лондонская, противная изморось, которая проникала под одежду и заставляла зябко кутаться в накидку.

По прибытии в поместье Виктория первым делом сменила промокшую одежду и спустилась в гостиную. На ней было платье из тяжелого бордового бархата, сшитое по последней парижской моде, но с той особенной элегантностью, которая отличала истинную аристократку.

Камин уже горел, разгоня сырость и наполняя комнату уютным теплом.

Лукан подал ей горячий чай.

— Индийский чай с бергамотом, — объявил он. — А также, сегодня я решил вас порадовать сливочным пирожным, украшенным наисвежайшей клубникой.

— Прекрасно, — ответила Виктория, принимая чашку.

Она пила чай, отламывала ложечкой кусочки пирожного и всячески отгоняла от себя мысли о несостоявшемся супруге. Но образ Фицроя — его злые глаза, его требовательный голос, его рука, сжавшая ее запястье — то и дело всплывал в памяти.

— Могу ли я задать вам вопрос? — Лукан стоял у камина, и в его голосе прозвучала та особая, тихая настойчивость, которая заставляла вслушиваться.

Виктория подняла глаза. В его взгляде она на какое-то мгновение уловила что-то острое, пронзительное, но что именно — не могла понять.

— Спрашивай, — коротко обронила она и отломилла ложечкой кусочек пирожного.

— Вы его любили?

— Фицроя? — Виктория вскинула бровь, отставляя тарелку с пирожным и задумалась.

Вопрос застал ее врасплох, и она не знала, почему вообще должна на него отвечать. Но Лукан ждал, и его молчание было тяжелее любых слов.

— А любила ли я вообще кого-то? — произнесла она, скорее обращаясь к себе, чем к нему.

Она отвела взгляд от Лукана и устремила его на огонь в камине. Пламя плясало, отбрасывая на стены тени, и в этих тенях ей чудились лица — родителей, бабушки, деда, всех, кого она потеряла.

— Однако, смею заметить, — нарушил тишину Лукан, — что он недурно выглядит. Однако характер его весьма надменен.

— Знаю, — ответила Виктория. — Но почему ты спросил?

— Я ваш личный демон, графиня, — напомнил он. — Мы ведь договаривались, что между нами не будет никаких тайн.

— Мы договаривались о том, что ты никогда не будешь мне лгать и всегда будешь мне верен, — поправила она, возвращаясь к чаю.

— Так и есть, госпожа, — Лукан подошел ближе и опустил на одно колено, склонив голову. — Я ваш верный слуга. И мой долг — защищать вас любой ценой.

Он аккуратно провел рукой по ее ноге — жест, который мог бы показаться жестом утешения, если бы не был столь смелым. Виктория, слегка смутившись, отодвинула ногу в сторону.

— Что ты делаешь? — спросила она, и голос ее дрогнул.

Лукан поднял глаза. Синий цвет его глаз стал темнее, почти черным, и в них горел тот самый огонь, который она видела лишь в минуты опасности.

— Я лишь хочу сказать вам, графиня, — он поднялся, — что я буду защищать и оберегать вас от любого, кто посмеет к вам приблизиться. Даже если это будет Фицрой. Он опасен, госпожа.

Виктория слушала его и по голосу понимала: он не шутит. Он настроен серьезно, как никогда.

— И если потребуется, — продолжал Лукан, и в голосе его зазвенел металл, — то я лишу его жизни.

Виктория отвела взгляд в сторону, на пламя камина.

— Делай так, как считаешь нужным, — сказала она, поднимаясь с кресла. — Однако, — она вновь взглянула ему в глаза, и в ее взгляде зажглась та самая сталь, которую он так ценил, — делай все по ситуации. И если положение критическое, то так и быть, хоть весь Лондон пусть утопает в крови. Для меня главное — мечь. Я — Виктория Астон, та, кто вернет свое имя и честь!

— Рад служить вам, госпожа, — Лукан удовлетворенно поклонился.

Виктория развернулась и направилась к лестнице. Она медленно поднималась по ступеням, и каждый шаг давался ей с трудом — не от усталости, а от тяжести мыслей, которые давили на плечи.

Лукан провожал ее взглядом.

«Столь изысканна, — подумал он. — Что душа, что хозяйка. И как же мне с тобой поступить, смертная, когда наступит окончание нашего контракта?»

Он стоял неподвижно, пока ее фигура не скрылась на верхней площадке. Затем направился в сторону кухни, где уже хлопотали Мэри и Томас, готовя ужин.

После проверки слуг, Лукан поднялся на второй этаж и вошел в свою комнату. Она находилась неподалеку от покоев Виктории, и он мог слышать, как она ходит по комнате, как открывает шкаф, как тихо напевает себе под нос какой-то старинный английский мотив.

Он подошел к зеркалу, висевшему на стене в тяжелой деревянной раме, и взглянул на свое отражение.

Тьма внутри него вновь начала метаться.

Она рвалась наружу, требовала выхода, и он снова не мог понять, чего желает больше всего. Забрать ее душу, как велит контракт? Или же что-то иное?

Под глазами проступили едва заметные черные узоры — демоническая сущность напоминала о себе. Лукан провел рукой по лицу, словно стирая их, и заставил себя успокоиться. Не сейчас. Не здесь.

Он снял камзол, аккуратно повесил его на спинку стула, стянул перчатки и опустился в кресло, закрыв глаза.

— Часик сна, — пробормотал он, — мне нужно

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.